

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

Красный космос

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Разработка серии и оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Савеличев, Михаил Валерьевич.

С12 Красный космос / Михаил Савеличев. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (СССР-XXI).

ISBN 978-5-699-97966-0

Космическая гонка сверхдержав продолжается! Впереди новый рубеж — таинственный Марс. Кто первый высадится на Красной планете? Отважный советский экипаж новейшего корабля «Красный космос» или американские астронавты, чей корабль мгновенно преодолевает пространство, за что приходится расплачиваться страшной ценой — человеческой сущностью? И в центре этой гонки — Зоя Громова, которой предстоит сразиться со страшным врагом, чтобы победить в Большой космической игре, ставка в которой — больше, чем жизнь...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97966-0

© Савеличев М.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

СОВЕТСКИМ
ПИСАТЕЛЯМ-ФАНТАСТАМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

*...Бороться с темными силами в
человеке гораздо труднее,
чем совершить межпланетное пу-
тешествие.*

Станислав Лем «Астронавты»

*О, Марс! О, Юпитер! Я увижу вас!
Ф. Цандер*

Книга первая

Воспитание космосом

Часть I

ВПЕРЕД, НА МАРС!

Глава 1

НАРУШИТЕЛЬ

— Заправлены в планшеты космические карты, — в наушниках слышался голос Санина. Руководитель сокращенного боевого расчета не вмешивался и не требовал прекратить этот, как он выражался, «концерт по заявкам радиослушателей».

Считанные минуты оставались до конца дежурства, когда можно будет свободно вздохнуть, переключить все тумблеры на приборной доске в нейтральную позицию, откинуть колпак и, вдыхая свежий вечерний воздух, пронизанный запахом океана, дожидаться, пока техники подкатят к истребителю лесенку и начнут длительную процедуру освобождения пилота от пустолазного костюма.

Зоя коснулась пальцами того места, где под слоями синтетической ткани притаился конверт со штампом Центрального военного архива. Она успела лишь мельком просмотреть его перед дежурством, буквально вырвав из рук почтальона, но выхваченные из отпечатанного текста фразы продолжали жечь память.

«В связи со вновь вскрывшимися обстоятельствами имеем возможность дополнительно сообщить вам следующее...»

— Солист, Солист, я — Маэстро, прием, — прошелестело в наушниках.

— Маэстро, я — Солист, слышу вас хорошо, — автоматически отозвалась Зоя.

— Последние минуты моей военной карьеры, — обычным голосом сказал Санин. — Даже жалко, черт возьми, что ни одного нарушителя.

«Согласно показаниям рядового 136-го Тирольского горнострелкового полка 2-й горнострелковой дивизии корпуса «Норвегия» в ночь на 30 июня 1941 года в расположении их части, занимавшей позиции в районе полуострова Рыбачий...»

— Что? — переспросила Зоя. Пальцы в толстых перчатках судорожно сжались, захватив ткань пустолазного костюма, словно пытаюсь добраться до жгущего сердце письма.

— Спрашиваю, что тебе привезти с пыльных тропинок далеких планет, — пояснил Санин.

— Устав несения боевой патрульной службы в частях отдельной армии ПВО привези, — едко посоветовал руководитель сокращенного боевого расчета товарищ майор Свиркис. — Опять разговорчики в строю?

— Последнее дежурство, товарищ майор, — сказал Санин. — Когда еще представится случай потрепаться в эфире с напарником?

— Мне вот интересно, в космосе все такие болтуны? — проворчал Свиркис.

— Мы тебя сегодня с Настей ждем, — сказал Санин. — Как слышишь, Солист, прием? Прощальный ужин пройдет при свечах и на голом полу. Вчера контейнер со всеми вещами отправил.

— Маэстро, — с трудом сказала Зоя. Когда ей еще удастся произнести этот позывной? — Слышу тебя хорошо.

— Ты витаешь по иным орбитам, — в последнее время Санин любил щегольнуть космическими метафорами. — Не грусти, набор в отряд космистов каждый год проходит. Мы с тобой еще в одной связке по Венере ходим.

Не в этом дело, Зоя закрыла глаза. Не в этом дело, хотя и в этом тоже. Три года в спарке, на границе, на самом краю Союза, где через пролив начинается совершенно чужая земля, — кое-что да значит. Но самое главное притаилось на груди в обычном казенном конверте. Сухие строки архивной службы, информирующие, что...

Что?

Что в ночь на 30 июня 1941 года в расположение 136-го Тирольского горнострелкового полка прибыл перебежчик.

Перебежчик.

Не взят в плен.

Не захвачен в тяжелом кровопролитном бою.

Перебежчик.

Восьмой день войны.

Сигнал тревоги заставил вздрогнуть. Она посмотрела на циферблат, отщелкивающий последние секунды боевой смены.

— Маэстро, Солист, срочный взлет, — подтвердил руководитель боевого расчета. — Повторяю, Маэстро, Солист, срочный взлет.

— Первый, вас понял, вас понял, — раздался голос Санина, и Зое показалось, что она слышит в нем трудно сдерживаемую радость. Все-таки разрешили! Дали возможность в последний день потряхнуть крыльями, вонзиться в бездонное синее небо узким телом стальной хищной птицы, пройти последним дозором по рубежам Родины.

Удар катапульты привычно вжал тело в ложемент. Включились маршевые движители. Резкий толчок. Переход на гиперзвук. Впереди, чуть левее, точка ведущего. Поднимаемся до открытого коридора. А внизу! И не успеешь заметить. Только память услужливо подбрасывает картинки — вот полосы и квадраты аэродрома, где притаились в катапультах истребители. Вот шпиль баш-

ни-излучателя, пробивающей даже облака, когда те на-ползают на Хоккайдо со стороны пролива, вот ряды бело-снежных локаторов дальней космической связи, сверху похожие на шарики пинг-понга, которые кто-то уложил в строгой регулярности, а на самом деле — огромные, почти циклопические сооружения.

А дальше, в глубине острова, — мирные города, поселки, военные части, дороги, школы, магазины, люди, уже привыкшие к мирной жизни и не вздрагивающие от частых хлопков переходов истребителей на гиперзвук. Зона их ответственности. Ее и Санина. Здесь и сейчас.

Зоя была уверена, что ничего серьезного они не обнаружат — опять случайная флуктуация поля около башни, которую засекали приборы, проходящие долгую и изнуряющую физиков калибровку. А потому им предстоит рутинный облет воздушной границы, до полной выработки топлива, и посадка. После чего — проводы, объятия, поцелуи, тосты за авиацию, за космистику, которая почти та же авиация, только чуть повыше летает, а на следующий день Зоя вернется на службу, а Санин уже будет лететь на материк, в Союз, в Звездный.

— Вижу цель, Первый, — как-то буднично сказал Санин. — Крылатая ракета. Высота двести. Цель... цель — объект А.

— Вас понял, Маэстро. Приказываю идти на перехват.

— Солист, курс прежний. Иду на перехват. До встречи в точке.

— Маэстро, вас понял. Курс прежний.

По инструкции на перехват должна идти она, Зоя. Но то, что произошло, было всем понятно — и на земле, и в воздухе. Последний вылет, последний перехват. Кто откажет Санину? Кто рискнет произнести: следуйте инструкции, Маэстро? Даже Свиркис не решился. И потому ведущий резко сбросил скорость и нырнул в голубую бездну, где беззвучно чертила курс крылатая ракета, направляясь к башне излучателя.

- Играет в кошки-мышки, — голос Санина.
- Не понял вас, Маэстро. Повторите!
- Цель пропадает с локатора и появляется, Первый.

Шьет поле, зараза такая.

Шьет поле, то есть ныряет за горизонт событий. Но как такое возможно здесь, вблизи башни излучателя, где напряженность поля коммунизма такая, что уходы за горизонт требуют огромных энергозатрат? Нет у крылатой ракеты такой мощности!

— Продолжайте преследование, Маэстро. Солист, доложите обстановку.

— Вышел на точку, Первый, — сказала Зоя. — Осматриваюсь.

Внизу море. Точнее — пролив. Цугару. Последний рубеж, разделяющий мир коммунизма от лагеря капитализма. Место прямого касания поля коммунизма и некрополя. Поверхность кратких и затяжных боестолкновений, которые затем дипломаты облачают в формулировки: «отклонение от курса», «потеря ориентировки» и даже «по трагической случайности». Как же — случайность! Последствиями таких случайностей усыпано все дно пролива.

Истребитель пробил облака, и хотелось зажмуриться от близкой зелени с частыми крапинами барашков на гребнях волн.

Ионный движитель сбрасывал мощност. Гиперзвук, сверхзвук, еще немного — и скорости будет как раз столько, чтобы пойти на перехват нарушителя, все преимущество которого в его медленной скорости. В несовпадении масштабов. Хитрые буржуины, где вы притаились?

— Маэстро, я — Солист. Нахожусь в заданной точке. Радиоконтакт отсутствует. Пока все чисто. Как у тебя?

— Солист, я — Маэстро, продолжаю преследование. Странно все это. Никогда не видел, чтобы в такой близости их цели ныряли за горизонт.

— Первый, докладываю — сектор пуст. Нарушителей не наблюдаю ни на радаре, ни визуально. Прошу разрешения идти на поддержку Маэстро.

— Солист, Солист, я — Первый, категорически...

В эфире настала тишина, которую опытные истребители называют черной. Исчезают все звуки, даже крошечная пыль помех, что создает фон в наушниках. Черная тишина — скверный признак. Она — предвестник. Гораздо более точный и неумолимый. Вслед за черной тишиной приходит враг. Тот самый, из-за которого пишутся приказы — «наградить (посмертно)», а на материк отправляются письма от имени командира части: «С прискорбием сообщаю...»

«Да что со мной такое?! — захотелось крикнуть в плотную подушку кислородной маски. — Что за мысли?! Где смелость?! Где азарт?!»

Но по ту сторону трусливых мыслишек и неминуемой гибели кто-то холодный и расчетливый фиксировал признаки резкого усиления некрополя. Лучший датчик близкого прорыва — сам пилот. Его физиология. Именно поэтому в РИЦе на главный планшет, на котором солдатики стеклографами наносят траекторию полета, выводятся биение сердца пилота, давление, частота дыхания, электрохимическое сопротивление кожи, а проще — интенсивность потоотделения.

— Первый, Первый... — зашептала непослушными губами Зоя. — Маэстро, Маэстро... — словно просила помощи, а синева неба приобрела гангренозный оттенок, набухла омерзительным нарывом, зачернела и лопнула так, что брызги полетели в стороны, на самом деле — микросингулярности, где поле коммунизма и некрополе скрутились в тугую и неразделимую спираль пустоты.

Из этой дыры в небе полез он.

Собственной персоной.

В окружении плотного венца пульсирующих щупалец, на чьих кончиках — огромные глаза, даже не глаза, а

буркала, от одного вида которых леденеют внутренности, руки безвольно соскальзывают со штурвала и хочется завопить от невыносимого ужаса.

Зоя вбила кулаком кнопку реверса, истребитель рванул назад из почти готовой поглотить его гниющей мерзости, одновременно уступая дорогу врагу.

Враг не отрывался. Тяжело перевалился с боку на бок. Качнул крыльями. Легко набрал скорость, извернулся и исчез.

Зоя посмотрела вверх. Так и есть. Сквозь блистер видно, как враг висит над ней, сравнив скорости, отчего казался неподвижным, если бы не вращение с бешеной скоростью лопастей в турбинах. Ржавое брюхо, будто склепанное из разнородных бронированных листов — не истребитель, а древний броненосец, злым чудом вознесенный в небеса. Нелепые выступы, заусенцы, вмятины — прямой вызов законам аэродинамики, которым нужно подчиняться в поле коммунизма, но там, за горизонтом, они необязательны. Чернеющие отверстия выхлопов, откуда сочится вязкая гадость, похожая на кровь. Толстые крылья, которые только и могут выдержать бронированные обрубки генераторов некрополя и гроздя пушек.

А потом враг тяжело перевернулся, задрав брюхо к дыре и повернувшись блистером кабины к Зое.

И вот они смотрят друг на друга, сквозь двойной слой бронированных стекол. Лейтенант, летчик-истребитель войск ПВО Зоя Громовая и безымянный пилот загоризонтного истребителя.

Человек и заг-пилот.

Живой и то, что живым не является, потому как ничто живое не может пройти за горизонт событий.

На нем нет кислородной маски. Заг-пилот не дышит. Зоя видит белесую башку, что торчит из воротника пустотного костюма. Раззявленная пасть — черная, пустая. Оплывшие, точно из воска, уши. Лысина с редкими пуч-